

УДК 323.2(470)

Антон Викторович Булавин

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА В ФИННО-УГОРСКИХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СПЕЦИФИКА, ЭТАПЫ, АКТОРЫ

Последние десятилетия XX в. в истории нашей страны ознаменовались масштабными процессами трансформации существовавших экономической и политической систем, которые привели к распаду «социалистического блока» и поставили бывшие советские республики перед необходимостью легитимации власти, консолидации общества и поиска новых путей формирования коллективной идентичности взамен реализованных ранее в СССР. Однако эта во многом «типовая для политики памяти задача, решаемая в процессе нацистроительства»¹, особенно в условиях мононационального и моноконфессионального социума, для Российской Федерации оказалась сопряжена с серьезными трудностями из-за сложного этноконфессионального состава населения. Усугубил ситуацию и тот факт, что большинство титульных этноконфессиональных сообществ, про-

живавших на территории РСФСР, не имели длительного исторического опыта проживания в рамках собственного государства и обрели государственность лишь в 20 — 30-е гг. XX в. в рамках советской политики нацистроительства.

Точкой отсчета для процессов «политизации этничности» стали инициированные Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым экономические и политические реформы, которые привели к тому, что уже к концу 1980-х гг. в большинстве союзных республик и национальных автономий отмечалась кризисная ситуация, вызванная резким падением уровня жизни населения, утратой большинством партийных лидеров доверия, а также стремлением части номенклатуры провести модернизацию социализма. Это во многом спровоцировало появление новых политических сил на волне отрицания монополии КПСС на власть

и различных национальных движений в титульных республиках СССР и автономиях РСФСР, чья новизна «заключалась в смещении акцентов с проблем распределительной (экономической) справедливости на вопросы, связанные с символической (культурной) несправедливостью»². Кроме того, под влиянием «политики гласности» была разрушена система партийного контроля за распространением политической информации и социально-гуманитарными науками (в первую очередь историей), что позволило дать старт пересмотру многих знаковых событий советского прошлого, являвшихся основой для конструирования и поддержания базиса «советской идентичности». О. Ю. Малинова, описывая сложившуюся на тот момент ситуацию, говорит, что «по мере того как с расширением гласности снимались запреты на обсуждение „белых пятен исто-

рии“ и критическое осмысление советского опыта, становилось ясно, что сохранение верности идее социализма требует более решительного пересмотра нарратива коллективного прошлого: нужно было объяснить, как получилось, что в СССР оказался построен „не тот социализм“³. В результате «советская идентичность, уже ослабленная застойными явлениями 1970-х гг., не выдержала испытания при столкновении с новыми политическими и идеологическими реалиями»⁴. По словам Т. В. Евгеньевой, «разрушение этой „картины мира“, начатое в годы перестройки и особенно активно продолженное после 1991 г., привело к дестабилизации всей системы представлений значительной части общества, а отказ от самоидентификации личности в качестве „советского человека“ при отсутствии адекватной компенсации легло в основу формирования кризиса идентичности»⁵.

Кроме того, распад советской идентичности привел к локализации и этнизации социального пространства, что совсем не случайно. Как отмечает М. Кастельс, «в исторический период, характеризующий широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов»⁶. Также, по словам Е. С. Садовой, «„привлекательность“ этнической идентификации заключается в ее внешней простоте и понятности, в том, что она базируется на тех „культурных универсалиях“, которые передаются на уровне аффективного бессознательного без необходимости рационализации процесса самоидентификации, как того требуют дискурсивные нормы „свободного“ либерального общества. Этническая идентичность оказывается, таким образом, механизмом „схематизации“, структурирования

человеком окружающей действительности и, одновременно, доступным способом взаимодействия с нею»⁷. Следовательно, именно опора на этноконфессиональную идентификацию стала основным способом компенсации утраты сложившихся в советском социуме мировоззренческих установок, а спровоцированный процессами демократизации политического пространства кризис «советской идентичности» наряду с социально-экономическими проблемами стал одной из основных причин процессов «мобилизации этничности» в союзных и автономных республиках СССР.

Уже к концу 1980-х — началу 1990-х гг. практически во всех национальных регионах РСФСР прошли своего рода «бархатные революции», причем, по словам В. А. Ачкасова, «большинство из них характеризовалось активным использованием не только демократических, но и определенных националистических лозунгов»⁸. На этом фоне, особенно учитывая разразившиеся на постсоветском пространстве масштабные конфликты на межнациональной и межконфессиональной почве, в ряде случаев переросшие в масштабные

вооруженные столкновения, этнополитическая ситуация в финно-угорских регионах РСФСР, а затем и в Российской Федерации выглядела относительно стабильной. Это обуславливалось прежде всего демографическими причинами — практически ни в одном из финно-угорских регионов титульные этносы не составляли большинства населения, а также длительным опытом совместного бесконфликтного проживания с русскими, татарами и другими этническими общностями сначала в составе Российской империи, а затем и в СССР. Характеризуя события этого периода, Н. В. Шилов отмечает, что «активизация этнического самосознания народов стимулировала этнополитические процессы в регионах Российской Федерации и вызвала беспрецедентный рост национальных движений и общественных организаций. Недостаточное внимание органов государственной власти к национальной проблематике, их неумение (или нежелание) вовремя разобраться в сущности тех или иных национальных проблем увеличили в первой половине 1990-х гг. мобилизационный потенциал этнонациональных лозунгов и способствова-

*Самый массовый митинг в истории СССР. Москва, 4 февраля 1990 г.
(Источник: <https://tverdyi-znak.livejournal.com/4335412.html?amp=1>)*

Делегаты Съезда возрождения коми народа. 1991 г.

ли их трансформации в движения националистического характера»⁹. В этой связи во многом символично, что понятие «политика идентичности», получившее заметное распространение в англоязычном политическом дискурсе в конце 1980-х гг., связывалось не с государствами, а с так называемыми новыми социальными движениями, выдвигавшими требования публичного «признания» идентичности отдельных групп¹⁰. Кроме того, начавшаяся вслед за распадом СССР деидеологизация общественной жизни, повлекшая отказ от существовавшей ранее монополии государства на интерпретацию социальной реальности (в первую очередь, с помощью образовательных стандартов) и появление независимых от государства СМИ, открыла широкие возможности для продвижения как традиционных политических идеологий, так и ориентированных на отдельные этнические сообщества.

Следует отметить, что изначально абсолютное большинство финно-угорских общественных объединений в своих программных документах и уставах позиционировали себя как культурно-

просветительские, однако со временем их требования стали приобретать политический характер, так как «транзит этнической идентичности из культурного, социально-психологического в сферу политики обусловлен ужесточением конкуренции между различными социальными группами из-за властных ресурсов, обладание которыми позволяет обеспечить той или иной группе и ее представителям более благоприятное существование в социуме»¹¹. В результате, по словам Ю. П. Шабаева и Н. П. Мироновой, «политизированная этничность и идеи этнического национализма превратились в мощный политический ресурс в национальных республиках. А конкуренция за ресурсы и статус между культурными группами в условиях глобальных социальных и политических трансформаций привели к формированию разделенных по этническому принципу республиканских сообществ»¹². Во многом аналогичную точку зрения высказал и В. А. Шнирельман, отмечая, что «в центре этой борьбы находились вопросы доступа к высоким политическим должностям, право преимущественного

использования местных экономических ресурсов, дележ в свою пользу государственных дотаций, право получения образования на родном языке, сохранение своей народной культуры и т. д.»¹³. Неслучайно во многих программных документах финно-угорских движений и публикациях этнических активистов подчеркивалась необходимость знания высшими должностными лицами национальных языков, законодательное резервирование мест в органах законодательной и исполнительной власти за представителями титульных национальностей и т. д.

Под воздействием требований этнических антрепренеров региональные власти стали издавать местные законодательные акты и принимать целевые программы, призванные удовлетворить культурные и политические запросы различных этнических общностей; началось внедрение в образовательный процесс учебных программ в области языка и национальной культуры, составление учебников, хрестоматий на родном языке; дискутировался вопрос об увеличении числа отводимых часов на изучение финно-угорских языков. Одновременно расширился интерес к культуре и историческому прошлому народов, появились новые специальные издания культурологического и краеведческого содержания, расширился выпуск литературы фольклорно-этнографического и исторического содержания в местных издательствах. Таким образом, период с конца 1980-х — начала 1990-х гг. ознаменовался доминированием этнополитической идентичности, преваляровавшей, по словам М. Ю. Мартынова и В. С. Пуртовой, не только в российской политике, но и в отечественной политической науке¹⁴. Все это отразилось в Конституции Российской Федерации 1993 г. и «Концепции национальной политики Российской Федерации 1996 г.

Вместе с тем внедрение в региональный социум этноориенти-

рованной модели коллективной идентичности «через выстраивание и информационное продвижение в социальном пространстве целостного, сбалансированного, внутренне непротиворечивого образа „нас“ и комплекса связанных с ним социально-политических образов, установок, ценностей»¹⁵ оказалось невозможным из-за сложного этнического состава населения финно-угорских республик и отсутствия консенсуса по данному вопросу как с федеральным центром, так и среди местных элит. Кроме того, эффективность деятельности национальных движений во многом зависела от того, насколько широкую поддержку они получали среди местного населения. Как показала история, одной реакции части населения на выдвинутые задачи мало, в большинстве случаев финно-угорские общественные движения не имели широкой социальной базы и не пользовались поддержкой населения, так как представляли интересы миноритарных сообществ, не обладающих сколько-нибудь значительным политическим весом. Например, на состоявшихся в декабре 1993 г. выборах в Государственное Собрание Республики Марий Эл, прошедших 12 декабря того же года, общественно-политическое движение «Марий ушем» получило лишь 7,1% голосов, а по данным проведенного в 1992 г. среди жителей Саранска социологического опроса, более 60 % респондентов ничего не смогли сказать о деятельности общества «Масторава», 11 % считали ее культурно-просветительным обществом, 7,5 % воспринимали как политическую организацию и 17,0 % — как националистическую¹⁶. Более широкий опрос, проведенный в апреле 1994 г. НИИ регионологии на территории всей республики, показал сходную картину — 64,4 % респондентов ответили, что не знакомы с деятельностью «Масторавы»¹⁷.

В этой связи необходимо отметить и предпринятую представителями финно-угорских движе-

ний попытку преодолеть дефицит политического влияния путем объединения различных региональных этнокультурных объединений во всероссийские и международные ассоциации. Так, в феврале 1992 г. была создана Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации, а в декабре в Сыктывкаре проведен I Всемирный конгресс финно-угорских народов, которые были призваны наладить диалог между этническими ассоциациями и федеральной властью. Именно в рамках первых форумов была введена в публичный дискурс идея о существовании единой «финно-угорской общности». Однако, несмотря на все предпринимаемые ее сторонниками усилия, широкого распространения среди населения финно-угорских регионов данная концепция не получила. Как отмечает Ю. П. Шабаев, «очевидно, что широкая финно-угорская иден-

*На I Всемирном конгрессе
финно-угорских народов.
Сыктывкар, 1992 г.*

(Источник: <http://www.fucongress.org/media/photo/>)

тичность не может формироваться на зыбкой лингвистической основе. В культурном плане народы финно-угорской группы очень существенно отличаются друг от друга, тесных экономических связей между регионами их проживания нет, а интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая, правда, и формирует идеологию»¹⁸. Кроме того, из-за отсутствия комплексного подхода к коммеморативным практикам, направленным на фиксацию в массовом сознании идеологии финно-угорской идентичности, которые либо носили единичный, пусть и масштабный характер (как, например, фестиваль «Шумбрат, Финно-Угрия»), либо охватывали крайне ограниченное число участников (как, например, дни родственных финно-угорских народов), широкого распространения идеология финно-угорской идентичности среди российских финно-угров не получила, так как, по словам английского социолога Э. Смита, «нациям необходимо обращаться к мифам и прошлому, чтобы доказывать свою исключительность, подтверждать свою коллективную „индивидуальность“ в каждом поколении через ритуалы, церемонии, политические мифы и символы, искусство и историю»¹⁹.

Последующий период характеризовался стагнацией этнических организаций и объединений, дальнейшей потерей интереса общественности к национальной тематике и выходом на передний план социально-экономических проблем, «от решения которых во многом зависела не только устойчивость политической системы новой России, но и жизнеспособность РФ как территориально-политического образования в целом»²⁰. В итоге многие финно-угорские национальные движения раскальва-

ются либо прекращают свою деятельность, или же отказываются от наиболее радикальных положений, интернируясь в той или иной степени в органы государственной власти. В то же время прочно занявшие определенные позиции в региональном политическом пространстве национальные и этнокультурные объединения достаточно негативно реагировали на попытки властных структур осуществить построение общероссийской гражданской идентичности, тем самым существенно сократив «пространство для маневра» российским политическим элитам. По словам В. В. Титова, «попытки сформулировать любую „национальную идею“ (о необходимости которой, в частности, говорил Президент России Б. Н. Ельцин во второй половине 1990-х гг.), основанную на консолидирующей исторической платформе, автоматически нивелировались ростом общей социальной конфликтности»²¹.

Лишь в начале 2000-х гг., на фоне начала стабилизации социально-экономической ситуации, становится все более очевидной необходимость выработки новой общероссийской гражданской идентичности, способной объединить огромное число этносов, проживающих на территории Российской Федерации. По мнению И. Н. Тимофеева, «поворот в политике идентичности конца 1990-х гг. выступает ответом на недостаточность негативной идентичности для интеграции страны и легитимации политического порядка. Восполнение этой недостаточности во многом осуществляется за счет актуализации патриотической компоненты», в основу которой был положен «синтез элементов советской, досоветской и постсоветской идентичности, адаптации этих элементов к новым политическим реалиям»²². В итоге рост благосостояния населения и сопровождающее его снижение уровня внутривнутриполитической конфликтности позволило федераль-

ной власти начать построение новой модели консолидации общества, основанной на общероссийской гражданской идентичности. В этот период, как отмечает О. В. Попова, ключевыми акторами в сфере политики идентичности становятся федеральные власти, «которые делегируют на региональный и локальный уровни как соответствующие нормативные законодательные документы, проекты и программы, так и формальные и неформальные политические практики»²³.

Подобные изменения в области государственной символической политики нашли поддержку и у руководства многих финно-угорских субъектов Российской Федерации, которые не меньше центральных властей были заинтересованы в сохранении этнической стабильности и получении дополнительных рычагов воздействия на радикально настроенных представителей национальных движений, ушедших в оппозицию к региональным властям. В этой связи показательна политика властей Республики Мордовия, где в 2009 г. стартовала реализация масштабного проекта — празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, концепция которого была подготовлена сотрудниками НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ и прошла экспертизу в Институте российской истории РАН²⁴, а идеология этого праздника, по словам Н. М. Арсентьева, «подчеркивает историческое и культурное значение совместного проживания и духовной общности многонациональной России, существующее многообразие этнокультурной и поликонфессиональной среды»²⁵, то есть полностью вписывающаяся в продвигаемую федеральными властями концепцию общероссийской гражданской идентичности. Таким образом, основным трендом для региональных властей в области политики идентичности становится следование стратегии федерального цен-

тра, сформулированной в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и ориентированной на интеграцию населения при помощи создания общего символического и культурного пространства. В финно-угорских регионах Российской Федерации проводится множество мероприятий этнокультурной направленности, принимаются государственные целевые программы, целью которых наряду с сохранением и развитием этнической культуры провозглашается укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации, и т. д.

С середины 2000-х гг. идеология большинства финно-угорских движений и риторика их лидеров претерпевает изменения, радикальные требования уходят в прошлое, начинается и деидеологизация самих этнических движений, но, по словам Ю. П. Шабаева и А. В. Мартыненко, «идея коренного народа не исчезла ни из публичных заявлений, ни из речей региональных политиков, ни из документов, определяющих политические практики в сфере госу-

дарственной национальной политики»²⁶. Кроме того, определенной тенденцией стало стремление ряда этнических сообществ выделиться в локальные группы, поводом для которой послужила подготовка и проведение Всероссийской переписи населения 2002 г. Так, в Республике Коми в Муromской области одно из отделений ассоциации «Изъватас» призвало своих сторонников обозначить свою этническую принадлежность как «коми-ижемец», цель которой — включение народности в перечень коренных народов Российской Федерации, как ранее это было сделано в отношении удмуртов-бесермян и вепсов²⁷; а в Мордовии еще в начале 1990-х гг. ряд эрзян-

ских активистов «выступили с заявлением о наличии у эрзян специфических, отдельных от мокшан проблем²⁸» и выступили с призывом начать работу по оформлению эрзянской государственности²⁹. Но, как отмечают Х. Ч. Ким, Ю. П. Шабаев и К. В. Истомина, «в большинстве случаев эти явления не получили развития, ибо интеграционные процессы доминируют и число приверженцев локальных идентичностей в России в большинстве случаев сокращается»³⁰.

С конца 2000-х гг. в значительной мере трансформировались идеология и идейные позиции межрегиональных финно-угорских объединений. Так, по словам Ю. П.

На IV съезде финно-угорских народов. Саранск, 2009 г. НА НИИГН

Шабаева, уже на IV съезде, прошедшем в 2009 г. в Саранске, наряду с требованиями и предложениями, адресованными федеральным и региональным властям, в выступлениях активистов продвигалась идея необходимости укрепления гражданского единства россиян, а обязательным пунктом в итоговой резолюции мероприятий являлось упоминание о необходимости сохранения гражданского единства межнационального согласия³¹. К этому же времени относится резкий рост разногласий среди участников всемирных конгрессов финно-угорских народов, поводом для которых послужило использование конгресса зарубеж-

ными политиками для негативных оценок деятельности российских властей в сфере этнополитики³². В этой связи знаковым событием стал отказ от участия в проведении VIII Всемирного конгресса представителей России. Аргументируя отказ, председатель президиума Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации П. Н. Тултаев заявил, что «в среде европейской этнической интеллигенции и представителей власти при оценке положения финно-угорских народов на конгрессах сложилась устойчивая тенденция к акцентированности внимания на негативных аспектах жизни финно-угорских народов в Российской Федерации, а дискуссии вокруг финно-угорских языков и культур в России на международном уровне все более приобретают формы политической идеологии. В то же время положение финно-угорских национальных меньшинств внутри Евросоюза практически не рассматривается, а фактов, свидетельствующих о значительных проблемах в жизни данных этнических сообществ, немало»³³.

В настоящее время, как отмечают многие отечественные специалисты, органы государственной власти приступили к активному внедрению концепции микрополитической (национально-государственной) идентичности, направленной на сохранение стабильности в многонациональном и многоконфессиональном российском социуме и, по словам В. В. Титова, выступающей как «устойчивая взаимосвязь человека с нацио-

нальной общностью (как этнически однородной, так и неоднородной), репрезентацией которой выступает образ „мы“ как воображаемого сообщества, поддерживаемая посредством института государства и политико-культурной традиции государственности»³⁴. Однако данный процесс по ряду причин сталкивается с определенными сложностями. Во-первых, политические и культурные элиты Российской Федерации все еще не смогли сформулировать притягательный «образ будущего» и предложить привлекательную систему символов для самоидентификации в качестве граждан России. Во-вторых, во многих полиэтничных регионах, к числу которых относятся и финно-угорские регионы Российской Федерации, для части населения определяющую роль в самоидентификации играет этноконфессиональный фактор, который этнические антрепренеры используют для получения политического капитала. В-третьих, процессы глобализации и масштабное распространение средств массовой коммуникации открыли широкие возможности для манипуляции общественным сознанием. Благодаря социальным сетям и тематическим форумам в сети Интернет возможность для трансляции различных идейных установок, исторических нарративов, культурных образов, символов и смыслов, являющихся основой для самоидентификации граждан, получили не только традиционные акторы, к числу которых относятся политические и общественные движения,

но и иностранные державы и финансируемые ими некоммерческие организации. В этой связи показательна, например, деятельность оппозиционного интернет-проекта «Idel.Реалии», в 2017 г. внесенного Министерством юстиции РФ в список иностранных агентов³⁵, позиционирующего себя как площадку для «анализа событий и открытое обсуждение проблем, решение которых необходимо для успешных демократических преобразований в условиях свободного рынка» для жителей финно-угорских и тюркских субъектов Приволжского федерального округа, и при этом финансируемый Конгрессом США³⁶.

В заключение следует отметить, что начиная с конца 1980-х гг. политика идентичности в финно-угорских регионах Российской Федерации прошла несколько этапов трансформации: от системного кризиса, вызванного распадом СССР и сопровождавшегося доминированием среди населения этнической самоидентификации (1989 — 1995 гг.), до резкого падения интереса к этнической проблематике, вызванного масштабными социально-экономическими проблемами (1995 г. — начало 2000-х гг.), и, наконец, начавшаяся с середины 2000-х гг. активизация системной работы федеральных и региональных государств в области политики идентичности, основанной на формировании общероссийской гражданской идентичности и выстраивании диалога с ключевыми финно-угорскими национальными движениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. Вып. 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-history.ru/s086956870001569-6-1/> (дата обращения: 24.11.2021).
- ² Семенов И. С. Политика идентичности: меняющаяся повестка дня // Символическая политика : сб. науч. тр. М., 2017. Вып. 5. С. 7.
- ³ Малинова О. Ю. Актуальное прошлое : Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. С. 34 — 35.
- ⁴ Тураев В. А. Кризис советской идентичности как фактор распада СССР // Известия Иркутского государственного университета. 2016. С. 16.
- ⁵ Евгеньева Т. В. Круглый стол «Идентичность современной России: кризис ценностей, поиск смыслов и пути конструирования» // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-identichnost-sovremennoy-rossii-krizis-tsennostey-poisk-smyslov-i-puti-konstruirovaniya> (дата обращения: 22.11.2021).

- ⁶ **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 27.
- ⁷ **Садовая Е. С.** Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности. 2016. № 4. С. 45.
- ⁸ **Ачкасов В. А.** «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры России. СПб., 2000. С. 5.
- ⁹ **Шилов Н. В.** Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита. Саранск, 2014. С. 69.
- ¹⁰ **Малинова О. Ю.** Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политэкс. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovaniye-makropoliticheskoy-identichnosti-v-postsovetskoy-rossii-simvolicheskaya-politika-v-transformiruyuscheysya> (дата обращения: 12.12.2021).
- ¹¹ **Rothschild J.** Ethnopolitics : A Conceptual Framework. New York, 1981.
- ¹² **Шабаев Ю. П., Миронова Н. П.** Феномен Удмуртии-2 : Молодежь vs этнические антрепренеры // Вопросы этнополитики. 2020. № 1. С. 99.
- ¹³ **Шнирельман В. А.** Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 11.
- ¹⁴ **Мартынов М. Ю., Пуртова В. С.** Политика идентичности как основа межнационального согласия в полиэтничном регионе (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // Политическая наука. 2020. № 4. С. 181.
- ¹⁵ **Белоконов С. Ю., Титов В. В., Уманова З. Р.** Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-natsionalno-gosudarstvennaya-identichnost-pered-vyzovami-nachala-hhi-veka> (дата обращения: 23.11.2021).
- ¹⁶ См.: **Юрчёнков В. А.** Национальные общественно-политические организации Мордовии (1990-е гг.) // Мордовия в период реформ : материалы II Меркушкинских чтений. Саранск, 2001. С. 367.
- ¹⁷ См.: Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии : Итоги анкетного опроса. Саранск, 1994. С. 32.
- ¹⁸ **Шабаев Ю. П.** Исторические корни современного финно-угорского паннационализма // Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы. М., 2018. С. 125.
- ¹⁹ **Smith A.** National identity and idea of European unity // International Affairs. Cambridge. 1992. Vol. 68. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://users.clas.ufl.edu/ckostopo/GreekIdentity/2620461.pdf> (дата обращения: 17.03.2020).
- ²⁰ **Титов В. В.** Трансформация «Политики идентичности» в постсоветской России (1992 — 2015) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. № 10. С. 75.
- ²¹ **Титов В. В.** Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М., 2017. С. 77.
- ²² **Тимофеев И. Н.** Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестник МГИМО. 2010. № 3. С. 52.
- ²³ **Попова О. В.** О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 96.
- ²⁴ См.: **Куршева Г. А.** Современные модели развития гуманитарной науки // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (40). С. 14.
- ²⁵ **Арсентьев Н. М.** Празднование тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства как фактор формирования социальной памяти россиян // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2. С. 25.
- ²⁶ **Шабаев Ю. П., Мартыненко А. В.** Экспертный анализ региональных моделей государственной национальной политики в республиках с финно-угорским населением: гражданские интересы, право, этническое антрепренерство и культуртрегерство // Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 44.
- ²⁷ **Шабаев Ю. П., Садохин А. П.** Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики // Политэкс. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-i-etnichnost-v-prostranstve-publichnoy-politiki-ideologii-i-politicheskie-praktiki> (дата обращения: 13.01.2022).
- ²⁸ **Конищенко Ж. Д., Юрчёнков В. А.** На пороге реформ : Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов. Саранск, 2006. С. 157.
- ²⁹ См.: **Нуязин А.** Голосую за Эрзянскую республику // Советская Мордовия. 1991. 12 нояб.
- ³⁰ **Ким Х. Ч., Шабаев Ю. П., Истомин К. В.** Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 90.
- ³¹ **Шабаев Ю. П.** Этнокультурные ассоциации как политические акторы // Политэкс. 2020. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-assotsiatsii-kak-politicheskie-aktory-chast-2> (дата обращения: 13.01.2022).
- ³² См. например: Эстонцы отделились от финно-угров // Коммерсант. 2008. 30 июня.
- ³³ П. Н. Тултаев выступил с докладом на всероссийском форуме [Электронный ресурс]. URL: <https://afunrf.ru/news/p.n.-tul-taev-vyustupil-s-docladom-na-vserossiiskom-forume-1784/> (дата обращения: 10.01.2022).
- ³⁴ **Титов В. В.** Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М., 2017. С. 20.
- ³⁵ Издание «Idel.Реалии» включили в список иностранных агентов [Электронный ресурс]. URL: <https://inkazan.ru/news/politics/05-12-2017/izdanie-idel-realii-vklyuchili-v-spisok-inostrannyh-agentov> (дата обращения: 10.01.2022).
- ³⁶ Idel.Реалии : сайт [Электронный ресурс]. <https://www.idelreal.org/p/5789.html> URL: <https://www.idelreal.org/p/5789.html> (дата обращения: 10.01.2022).